

---

pocket**book**

---

rocket**book**

ДОРИС ЛЕССИНГ

Марта Квест

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Л51

Doris May Lessing
MARTHA QUEST

Copyright © 1952, 1964 by Doris Lessing

Перевод с английского *Татьяны Кудрявцевой*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Лессинг, Дорис.

Л51   Марта Квест : [роман] / Дорис Лессинг ; [пер. с англ. Т. А. Кудрявцевой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-699-98443-5

В романе «Марта Квест» Лессинг расскажет о молодой идеалистке, бунтующей против обыденности. Все в мире ей наскучило, потеряло очарование. Она хочет читать взахлеб, мечтать о несбыточном и танцевать до упаду. Марта жаждет дать волю инстинктам и отправиться навстречу приключениям. Она получит такой шанс, вот только удастся ли им правильно распорядиться?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Кудрявцева Т., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98443-5

*Этот роман
я посвящаю моей матери,
которая оказывала мне
такую великодушную
и всестороннюю помощь,
когда я его писала*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мне все так опротивело —
даже будущее, хотя оно еще не
наступило.

Олив Шрейнер

1

Две немолодые женщины вязали на веранде, защищенной от солнца завесой золотистого вьюнка; его тугие стебли были так густо усыпаны цветами, что оранжевые гроздья сдерживали, точно плотина, потоки слепящего полуденного света, который едва пробивался сквозь них. За этим пестрым барьером был затененный уголок, образованный с двух сторон стенами из глины, смешанной с навозом, а с третьей — скамейкой, уставленной раскрашенными жестянками из-под керосина, в которых росла красная и белая герань. Проникающие сквозь листву лучи солнца осыпали своими золотыми брызгами красный цементный пол и сидящих женщин. Они расположились тут с самого утра и будут сидеть до заката и болтать, болтать, благо язык без костей. Зовут их миссис Квест и миссис ван Ренсберг. На ступеньках веранды, на самом солнцепеке, примостилась Марта Квест, девочка лет пятнадцати, угловатая и неловкая: она то и дело меняла позу, стараясь, чтобы яркий свет не падал на лежащую на коленях книгу.

Марта хмурилась и время от времени кидала на женщин раздраженный взгляд: трещат без устали, никак не сосредоточиться. Но ведь ничто не мешало ей пересесть на другое место, поэтому злость,

которая вспыхивала в ее душе всякий раз, когда к ней обращались с вопросом или когда в связи с тем или иным семейным событием упоминалось ее имя, была просто нелепа. А женщины нет-нет да и останавливали на девочке рассеянный, невидящий взор и даже понижали голос; тогда она поднимала голову и бросала на них взгляд, исполненный откровенного презрения, ибо она читала книгу Хэвелока Эллиса о проблеме пола и приняла все меры к тому, чтобы это дошло до сознания миссис Квест и ее гости: и зачем они так глупо переходят на шепот всякий раз, когда, сдабривая жвачку унылых пересудов о своей жизни, прислуге, детях,стряпне, заводят речь о чьих-нибудь родах или каком-нибудь скандале. По правде говоря, Марта читала вовсе не Хэвелока Эллиса, а совсем другую книгу, которую ей дали братья Коэн со станции; творение же Эллиса лежало на верхней ступеньке заглавием кверху, главным образом для того, чтобы позлить взрослых. Но ведь беседы между матерями семейств следуют определенному ритуалу, и Марте, которая большую часть своей жизни провела в атмосфере таких разговоров, пора бы знать, что у собеседниц и в мыслях нет кого-либо оскорбить. Просто когда они входили в свои роли, им хотелось и Марту видеть в соответствующей роли «молоденькой девушки».

А на другом конце веранды в двух шезлонгах, поставленных рядом, сидели, глядя на буйные заросли кустарников и маисовые поля, мистер Коэн и мистер ван Ренсберг и беседовали об урожае, о погоде, о проблеме взаимоотношений с цветными. Оба джентльмена решительно повернулись спинами к женщинам, словно хотели подчеркнуть, что муж-

чинам, живущим неделями в накаленной атмосфере своего семейства и вне дома знающим только полевые работы, просто необходимо иной раз потолковать на отвлеченные темы. То, о чем они говорили, было так же хорошо знакомо Марте, как и то, о чем говорили женщины; обе беседы двумя струями неторопливо вливались в ее сознание и проходили через него подобно току крови, который она ощущала, лишь когда с раздражением вытягивала длинные, голые, загорелые ноги, затекавшие от неудобного положения. Услышав навязшую в зубах фразу: «Правительство рассчитывает, что фермеры...» и в ответ: «Кафры совсем распустились, ведь они...», Марта резким движением выпрямилась, и ее раздражение перешло в чувство неприязни к родителям. Просто невыносимо слушать все одно и то же: с тех пор как она себя помнит, они ни о чем другом не говорят, — и Марта перевела взгляд на раскинувшийся до самого горизонта вельд¹.

В книгах, которые читала Марта, под словом «ферма» разумелся небольшой, аккуратный, тщательно возделанный участок с чистеньким домиком, а вокруг — поля. Перед Мартой же на целую милю раскинулись заросли, и лишь за ними виднелась полоска красной распаханной земли; потом опять заросли — мрачные, темно-зеленые, они взбирались по склону холма, окружая другой клочок земли; а за ним снова заросли — покрывая гряду за грядой, впадину за впадиной, они катили свои волны до самого горизонта, где вставала цепь голубоватых

---

¹ Южноафриканская степь, перемежающаяся с низкорослыми деревьями и кустарником. — *Прим. перев.*

холмов. Видневшиеся вдалеке поля были только робкой попыткой изменить почти нетронутый человеком ландшафт. И если бы, скажем, ястреб, широкими кругами чертивший небо над головой Марты, посмотрел вниз, он увидел бы под собой дом, торчавший на верхушке пологого холма, кучку камышовых хижин — селение туземцев, сгрудившееся на полмили ниже, — с десятков обработанных участков и больше ничего, что могло бы привлечь его взгляд, издревле устремленный вниз, ничего, что не было бы известно тысячам поколений предков этого ястреба.

Дом Квестов стоял на холме, в центре обширной, опоясанной горами котловины, и словно врезался в синеву небес, открытый всем ветрам. Прямо перед ним были Дамфризовы холмы, от которых его отделяло семь миль; семь миль было и до Оксфордской цепи, которая постепенно переходила на западе в покатые холмы; семь миль и до длинной горбатой горы на востоке, называвшейся Джейкобс-Бург. Позади не было ни гор, ни холмов — необъятная, бескрайняя равнина тянулась на север, сливаясь с голубоватым маревом и словно уводя в страну мечты, без которой немыслима жизнь.

А над всем этим, подобно опрокинутой чаше, лежало безоблачное африканское небо, так ослепительно сверкавшее, что у Марты резало глаза и она вынуждена была смотреть вдаль, а не вверх. Эти привычные безбрежные просторы вызывали у девочки лишь неприятное ощущение, какое, вероятно, бывает у птицы, попавшей в клетку.

Она перевела взгляд на книгу. Читать ей не хотелось: это был научно-популярный труд, самое название которого вызывало в Марте легкое, но безус-

ловное раздражение. Если бы Марта умела выразить свои чувства словами, она, быть может, сказала бы, что спокойная деловитая манера изложения просто не соответствует ее смятенному душевному состоянию; а быть может, девочку настолько раздражали окружающая среда и собственные родители, что раздражение это распространялось на все, что попадало в ее поле зрения. Она отложила книгу и взяла Эллиса. Вообще говоря, пятнадцатилетнему подростку едва ли может показаться скучной книга, посвященная проблеме пола, но Марта никак не могла ею увлечься: интересные факты, которые были в ней подобраны, казалось, не имели никакого отношения к тем проблемам, которые девочка пыталась для себя решить. Она подняла глаза и испытующе посмотрела на миссис ван Ренсберг, мать одиннадцати детей.

Это была толстая, добродушная и в общем приятная женщина, в аккуратном цветастом ситцевом платье, свободном и длинном, с белым платочком, повязанным вокруг шеи, что придавало ей сходство с портретом ее бабушки. Длинные юбки и свободно повязанные вокруг шеи косынки были тогда в моде, но на миссис ван Ренсберг такой костюм производил впечатление чего-то старомодного. Марте это даже нравилось, но тут взгляд ее упал на ноги гостьи. Большие, бесформенные, мозолистые, с лиловыми венами, проступавшими сквозь покров загара, они беззастенчиво вылезали из зеленых сандалий, ища удобного положения. И Марта вдруг подумала с отвращением: ведь у миссис ван Ренсберг такие ноги потому, что у нее много детей.

Миссис ван Ренсберг была, что называется, женщина необразованная и (при случае, если того тре-

бовали приличия) могла посокрушаться о своем невежестве, хотя, глядя на нее, нельзя было сказать, что она жалеет об этом, — да она и не жалела. И все-таки сокрушалась, когда, скажем, миссис Квест вызывающе утверждала, что Марта — умница и уж конечно выбьется в люди. То, что голландка умудрялась сохранять при этом полнейшее спокойствие и добродушие, служило лишь доказательством ее силы воли, ибо выражение «выбьется в люди» миссис Квест употребляла вовсе не в том смысле, что Марта, скажем, станет врачом или юристом, — нет, это утверждение имело целью поразить мир и означало: «Моя дочь будет человеком, а ваша — просто чьей-нибудь женой». В свое время миссис Квест была типичной английской девушкой, хорошенькой, с мальчишеской фигурой, светло-каштановыми косами и голубыми, ясными, как весенний солнечный день, глазами; теперь же это была усталая, разочарованная в жизни, но решительная матрона, питающая честолюбивые планы относительно будущего своих детей, — впрочем, она стала бы такой, если бы и не покидала Англии.

Обе женщины уже много лет жили в этой сельской глуши, в семидесяти милях от ближайшего городка, который и сам-то был изрядным захолустьем; но в наши дни нет такого места на свете, которое было бы отрезанным от мира: у обоих семейств имелось радио, и они регулярно получали газеты «из дому» — консервативные газеты из Англии для Квестов и националистические листки из Южно-Африканского союза для ван Ренсбергов. Обе женщины были достаточно хорошо знакомы с духом времени и отдавали себе отчет в том, что кое-что в поведении детей может их шокировать — взять хотя бы эту са-

мую книгу, которую Марта держит сейчас в руках; для них ее название отдавало клиникой, они о таких вещах и не задумывались. Вообще-то поведение Марты не вызвало бы ничего, кроме традиционного добродушно-сокрушенного вздоха, если бы ее упорное сидение на ступеньках не было само по себе вызывающим. И миссис Квест, считая необходимым каждые полчаса напоминать Марте, что она дождет-ся солнечного удара, если не уйдет в тень, полагала равно необходимым время от времени вставлять сентенцию о том, что такое чтение едва ли может принести девушкам особый вред; услышав это, Марта бросала на кумушек взгляд, исполненный глубочайшего презрения, — взгляд человека несчастного и отчаявшегося, ибо в глубине души она сознавала, что взялась за эту книгу им назло, из чувства самоутверждения, а теперь это надежное оружие вдруг потеряло свой смысл и всю свою остроту.

Три месяца назад ее мать гневно заявила, что Эпштейн и Хэвелок Эллис омерзительны:

— Если через тысячу лет ученые займутся раскопками нашей цивилизации и найдут статуи Эпштейна и писания этого самого Эллиса, они решат, что мы были настоящими дикарями.

В эту пору жители колонии — без всякого желания с их стороны — были приобщены (по причинам дипломатического и финансового порядка) к так называемому «модернистскому искусству», что вызвало у них такую реакцию, словно им — каждому порознь и всем вместе — нанесено величайшее оскорбление. Статуи Эпштейна, уверяли они, даже условно нельзя признать изображением человека. Миссис Квест заимствовала эту точку зрения из

передовой статьи «Замбези ньюс» — это было, пожалуй, первое суждение об искусстве и литературе, которое она высказала за последние двадцать лет. Марта же немедленно отправилась на станцию и взяла у братьев Коэн книжку об Эпштейне. Тут-то и выявилось одно из преимуществ человека, чьи вкусы не были сформированы под влиянием той или иной школы, — он способен смотреть на работы какого-нибудь Эпштейна с тем же глубоким интересом, что и на творения Микеланджело. Именно так и получилось с Мартой. Она была озадачена тем, что увидела, и решила показать матери книгу с репродукциями работ Эпштейна. Но миссис Квест в ту минуту была очень занята, да и впоследствии так и не выкроила времени, чтобы объяснить Марте, почему эти творения так непристойны и отвратительны, равно как и писания Хэвелока Эллиса.

И Марте казалось, что она совсем дура и всеми отринута. К тому же она знала, что у нее дурной характер и что она груба. Каждый день она принимала решение, что «отныне» будет совсем другой. Но сидевший в ней бесенок роковым образом всегда брал верх, вынуждая ее настораживаться при малейшем замечании матери, взвешивать его и, принимая вызов, огрызаться, хотя противника к этому времени уже и след простыл, ибо миссис Квест вся эта полемика просто не интересовала.

— Ах, — сказала миссис ван Ренсберг, помолчав, — важно не то, что человек читает, а как он себя ведет. — И она с искренним расположением посмотрела на Марту, ставшую пунцовой от злости и долгого пребывания на солнце. — У тебя разболится голова, девочка, — машинально добавила она.

Но Марта даже не шевельнулась, упрямо склонившись над книгой, только глаза ее наполнились слезами.

Кумушки же, естественно, принялись болтать о том, как они вели себя, когда были молоды, опуская, впрочем, некоторые подробности, ибо миссис ван Ренсберг понимала, что многое в ее жизни могло бы смутить англичанку; поэтому они обменивались не воспоминаниями, а фразами, подсказанными им традициями, которые в общем мало чем отличались друг от друга, хотя миссис ван Ренсберг принадлежала к голландской реформистской церкви, а Квесты — к англиканской. Политических проблем они никогда не обсуждали, как не обсуждали и... Но что же они, собственно, обсуждали? Марта часто думала о том, что их многолетняя дружба, в сущности, устояла потому, что они о многом умалчивали — точнее, обо всем сколько-нибудь важном; эта мысль вызвала в девочке возрастающую неприязнь ко всему, что ее окружало, — неприязнь, постепенно ставшую в ней преобладающим чувством. С другой стороны, поскольку одна из приятельниц была закоренелой англичанкой, а вторая — закоренелой африканеркой¹, их дружбу можно было рассматривать как победу такта и добросердечия над почти непреодолимыми препятствиями, ибо в силу традиций они должны были ненавидеть друг друга. Марте подобные взаимоотношения казались, конечно, недопустимыми, ибо ее представления о дружбе были совсем иными и она до сих пор ждала появления настоящего, идеального друга.

---

¹ Потомки голландских колонистов в Африке. — *Прим. ред.*